

УДК 82-343.5(049.32)

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-105-110

Больше, чем чудеса
Рецензия на книгу:
Штагель Э. Житие сестер обители Тёсс /
Изд. подгот. М.Ю. Реутин.
М.: Ладомир, Наука, 2019. 600 с.

Мария-Валерия В. Моррис

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, maire.morris87@gmail.com*

Для цитирования: Моррис М.-В.В. Больше, чем чудеса [Рец.]: Элизабет Штагель. Житие сестер обители Тёсс / Изд. подгот. М.Ю. Реутин. М.: Ладомир; Наука, 2019 // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 1. С. 105–110. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-105-110

More than just miracles
Book review:
Stagel E. Lives of the Nuns of Töss /
ed. by M.Yu. Reutin. Moscow.:
Ladomir, 2019, 600 p.

Mary-Valerie V. Morris

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, maire.morris87@gmail.com*

For citation: Morris, M.-V.V. (2021), “More than just miracles, [Book review]: Stagel E. Lives of the Nuns of Töss / ed. by M.Yu. Reutin. Moscow.: Ladomir, 2019, 600 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 1, pp. 105–110, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-105-110

Католическая традиция всегда была относительно перmissive на по отношению к практикам, чья богословская корректность на сторонний взгляд могла бы показаться сомнительной. Хотя многообразие вернакулярных мистических практик и практик *lived religion* – неотъемлемое свойство любой живой религиозной

© Моррис М.-В.В., 2021

традиции, именно традиция католическая (в большей или в меньшей степени – в зависимости от традиции конкретной поместной церкви) в наибольшей степени опиралась на такую пермиссивность как на эксплицитно выраженную теологическую норму.

Начало этому можно отыскать уже в трудах отцов Церкви. Так, Григорий I Великий пишет аббату Меллиту: «...не стоит <...> разрушать храмы идолов, только самих идолов, находящихся в них. Пусть приготовят святую воду и окропят те храмы, и сооруженные в них алтари, и хранящиеся там реликвии, поскольку, если храмы эти выстроены хорошо, необходимо перевести их с поклонения идолам на службу истинному Богу; чтобы, когда люди убедятся, что их храмы не разрушают, они сами отвратили бы свое сердце от заблуждений и, зная и почитая истинного Господа, с большей непринужденностью собирались в уже привычных им местах»¹. Таким образом, инкорпорация изначально дохристианских практик и кодов становилась инструментом проповеди – и вместе с тем достижения вселенскости Церкви, той самой *католичности* в буквальном смысле слова. Впоследствии, с течением времени, все больше и больше вернакулярных практик, уже происходящих из собственно католических локальных традиций, включались в «корпус» высокой теологии, обуславливая проживаемый характер религии. Некоторые из таких лиминальных с теологической точки зрения практик в итоге подверглись остракизму и так и остались маргинальными, прежде чем угаснуть вовсе (например, почитание святого Гинфорта, бывшего, согласно апокрифической агиографии, собакой); некоторые легли в самое сердце католических молитвенных и еkkлезиастических практик более позднего времени (к примеру, молитва Розария).

Важное место в этом ряду занимают харизматические практики.

Вряд ли можно считать их каким-то теологическим новшеством – в конце концов, о харизмах пишет уже апостол Павел. Если излагать теорию харизм вкратце, то харизма – это некий сверхъестественный дар, который подается Богом вне зависимости от заслуг и личной святости получателя и должен быть употреблен на благо веры и ближних. На условной периферии католического мира теория харизм служила довольно эффективным инструментом уже описанной выше инкорпорации в практики поместных церквей локальных традиций и придания им теологической прагматики – так, например, именно посредством теории харизм

¹ Registrum Epistolarum (Gregory the Great). Book XI, Letter 76 [Электронный ресурс] // New Advent. URL: <http://www.newadvent.org/fathers/360211076.htm> (дата обращения 1 октября 2020 г.). Перевод с англ. яз. выполнен автором рецензии.

оказалось возможным примирить ирландский феномен «второго зрения» с континентальной теологией Реконкисты и поставить специфическую традицию *fairytale* на службу вполне конкретному политическому дискурсу. Сходным образом, объясняя свои колдовские силы ниспосланной Богом харизмой, выстраивали нарративы в свою защиту и итальянские бенанданти. Таким образом, грань между «запретными» магическими практиками и «дозволенной» мистикой была чрезвычайно тонка.

Со времени апостола Павла теология харизм, само собой, существенно расширилась и обогатилась. Так, св. Фома Аквинский, в числе прочего, трактовал опыт харизматика/визионера как основной способ переживания присутствия трансцендентного, взаимодействия верующего с Божеством. Не меньше для введения харизматики в «мэйнстрим» католической традиции сделала и св. Хильдегарда Бингенская – изначально сомневаясь в том, стоит ли записывать свои видения, она все же стала их фиксировать и, таким образом, создала образцовый визионерский текст.

В рамках этой же теологии харизм оперируют более поздние памятники мистической харизматической традиции – в частности, средневерхненемецкой. Все эти тексты, в силу самой природы визионерства – предельно личностной, тесно связанной как с локальной и социолектной, так и с индивидуальной оптикой субъекта, – отличаются чрезвычайным разнообразием прагматики и локальных вариантов акциональных практик. Однако «Житие сестер обители Тёсс» ставит перед собой амбициозную задачу представить нам, в избранных примерах текстов, полную палитру женской мистической прозы Высокого Средневековья – и справляется с ней с блеском.

Структура книги сама по себе уже делает довольно много для достижения поставленной цели. Первая часть книги представляет собой собственно переводы впервые публикуемых на русском языке источников. Начинается она с, собственно, «Жития сестер обители Тёсс» – так называемой сестринской книги, собрания биографий монахинь с описанием примечательных черт их нрава и жизни и совершенных ими чудес, которая подарила название всему сборнику. Предваряет этот текст вступление, состоящее из жизнеописания самой с. Элизабет Штагель, которой приписывается создание этой компиляции. Однако подобного рода текст, до известной степени институционализированный, будучи крайне интересным и показательным сам по себе, не мог бы считаться примером исчерпывающим – и здесь нам приходят на помощь следующие тексты, представленные как дополнения, но по факту выступающие как не менее важные и интересные сегменты книги. За «Житием...» следуют образцы не вполне парафольклорной,

к которой «Житие...» куда ближе, но авторской прозы монахинь-доминиканок Юной Германии – «Монахини из Энгельталя книжица о непосильном бремени благодати», принадлежащая перу с. Кристины Эбнер, в рамках послушания взявшей ее излагать наиболее примечательные и поучительные, с ее точки зрения, «кейсы» харизм; «Откровения» с. Адельхайд Лангманн, описывающие харизматический и визионерский опыт некой благочестивой монахини (вкуче с приписываемой оной святой особе молитвой – вероятно, для тех, кто решит попытаться ей как-либо уподобиться); и, наконец, «Откровения» с. Маргарет Эбнер, которые представляют для нас особый интерес. В отличие от предыдущих двух текстов из «Дополнений», эти «Откровения» написаны от первого лица и дают нам не фабулат, но личный меморат визионерки и чудотворицы, с большой простотой и честностью повествующей о своем мистическом опыте (к чему также прилагается «авторский» вариант молитвы).

Миром институционализированного клира представленный нам сборник не ограничивается и позволяет также заглянуть в мистическую «изнанку» светских сообществ. Вторая часть «Дополнений» позволяет ознакомиться с визионерскими «отчетами» не доминиканок, но бегиннок сопредельных регионов (а именно: Брабанта и Австрии). Кристина Штоммельская в «Послании Петру Дакийскому» отчитывается о последних своих «напастьях» – нечистая сила донимает ее всяческими искушениями и мелкими пакостями. «Жизнь и откровения» Агнес Бланнбекин – уже не меморат от первого лица, а своего рода агиография с предисловием составителя, которая также представляет нам самые разные эпизоды из жизни бегинки-чудотворицы: от обретения в ходе видения средств от всевозможных болезней в трогательно прагматичной и реалистичной «лавке Христовой» до видений и голосов, поучительных и наставительных, долженствовавших обучить героиню смирению и стойкому претерпеванию всевозможных немощей и неприятностей, а также растолковывающих ей различные Божественные тайны.

Открывающийся нам во всех этих текстах мир предельно телесен, эмоционально насыщен и – пожалуй, это будет лучшее слово – человечен. Героини, чьи голоса мы слышим как от первого лица, так и опосредованно – через агиографа, находятся в постоянной и тесной связи с Божественным и inferнальным; и Спаситель, и Люцифер находятся рядом с ними непрестанно и осязаемо, не забывая наносить своим подопечным очные визиты. С профанной точки зрения, ничего хорошего из этих визитаций не происходит – святые сестры переживают непрестанные телесные страдания и налагают на себя вериги жесточайшей аскезы; но благодаря им монастырское пространство, суровое и аскетическое, превращает-

ся в подмостки для динамичных, напряженных событий, предельно яркой и насыщенной духовной жизни, которая обращает фокус духовного подвига с формальных ограничений (хотя и их, конечно, здесь также хватает) на внутреннее, психологическое противостояние с инфернальным.

Личное повествование, максимально приближенное к записи *verbatim*, позволяет реконструировать не только умозрительное пространство, в котором происходят чудесные странствия и видения, а мирское служит лишь сугубо инструментальными подмостками, но и пространство вполне профанное, в котором перед нами прежде всего оказываются живые люди из плоти и крови, и чрезвычайная телесность описываемого мистического опыта не дает нам абстрагироваться от того, что мы видим. Эта телесность и убедительность оказала свое влияние и на бытование заглавного «Жития...» в монастырской традиции – первоначально задуманное как дидактическое художественное произведение, оно впоследствии циркулировало с установкой на сугубую достоверность.

Следующая, не менее важная, чем сами переведенные тексты, часть книги, – статья М.Ю. Реутина «Распятая возлюбленная Распятого Сына». Именно она превращает книгу из хрестоматии в полноценный компендиум, который не просто знакомит нас с памятниками определенной традиции, но и подробно очерчивает ее историю, формы ее бытования, общий контекст средневековых практик визионерства, а также основные методологические подходы, сложившиеся применительно к изучению и интерпретации подобного рода текстов. Это делает издание по-настоящему уникальным.

Отметим также, что собственная методология переводчика и составителя также крайне важна для восприятия книги. М.Ю. Реутин намеренно отказывается от теологической герменевтики и использует текстологический, а не теологический анализ. Это позволяет подойти к представленным в книге источникам с антропологической точки зрения – на первый план выходит контекст, в котором создаются и существуют эти нарративы, своего рода коммуникативная ситуация (насколько можно говорить о коммуникативной ситуации в книжной традиции). Таким образом, перед нами не просто портал в калейдоскопический мир чудес, терзаний и испытаний, дьявольских искушений и небесного блаженства – нам в руки вкладывается ещё и подробная карта этого мира, чтобы, отправляясь путями обитательниц обители Тёсс и их сестер по визионерству, мы могли непредвзято интерпретировать то, что видим.

Наконец, третья часть – подробные примечания к текстам – добавляют еще один немаловажный пласт к читательскому восприятию, а именно подключают микроисторический контекст.

Там, где это возможно, мы знакомимся с родословием и происхождением героинь и рассказчиц, узнаем о конкретных датах, локациях и событиях, понятных средневековому читателю «без перевода», но уже неочевидных нам без специального знания. Как пишет Ханс Медик, «важнейшее достижение в области социально-исторического познания, полученное с помощью методов микроистории, заключается в том, что именно благодаря максимально многостороннему и точному освещению исторических особенностей и особенностей, характерных для общности индивидов исследуемого района, взаимосвязь культурных, социальных, экономических и политико-властных моментов раскрывается как взаимозависимость всех объектов исторического бытия» [Медик 1994, с. 197]. Что ж, целостное и красочное полотно этих особенностей и особенностей развернуто перед нами в полной мере, что делает книгу – если так можно выразиться – поистине симфонической.

Подводя итог всему вышесказанному, можно рекомендовать «Житие сестер обители Тёсс» не просто как собрание прежде недоступных русскоязычному читателю источников, но и как энциклопедию немецкой женской мистики Высокого Средневековья в широком социальном и культурном контексте, методологический аппарат которой будет нужен, важен и полезен не только для понимания представленных в издании текстов, но и для работы всякого медиевиста или религиоведа, заинтересованного в точном и непредвзятом анализе как *lived religion* вообще, так и народного католицизма в частности.

Литература

Медик 1994 – Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. № 4. С. 193–202.

References

Medick, H. (1994), “Mikroistoriya” [Microhistory], *Thesis*, vol. 4, pp. 193–202.

Информация об авторе

Мария-Валерия В. Моррис, кандидат юридических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; maire.morris87@gmail.com

Information about the author

Mary-Valerie V. Morris, Cand. of Sci. (Law), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; maire.morris87@gmail.com